

...Следуя разуму, прислушайся к велению сердца

Обитель
Синей Бороды

Роман

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

Вера Александровна Колочкова Обитель Синей Бороды

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444080

Колочкова В. Обитель Синей Бороды : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67113-7

Аннотация

Как трудно устоять перед соблазном! Как нелегко удержаться на краю пропасти! Тем более если эта пропасть – красивый и богатый мужчина. Щедрый, нежный, сгорающий от любви. Неужели такой может погубить – усыпить ласковыми словами, заморозить обещаниями... лишить воли? Может! Еще как может! Соня Панкратова не думала, не гадала, что встретит на своем пути такого человека. Тем более что у нее уже есть муж. И есть сын. И ей сейчас совсем не до любви! Но противостоять искушению оказывается не так просто. И не так просто бежать, если ты оказалась в замке Синей Бороды.

Вера Колочкова

Обитель Синей Бороды

*Баю-баюшки-баю,
Не ругаю, не браню,
Но добром те говорю:
Спи, жадобушко, покрепче,
С тобой некому водиться,
Окол батюшки вертеться,
Нету бабушек родных,
Нету теток жалобных.
Только есть у тя добра
Родна маменька одна...*

(Старинная русская колыбельная)

— ...Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят...

Соня напряженно следила за подрагивающей рукой Екатирины Васильевны, в которой та держала бутылочку корвалола. Будто и впрямь имело значение, сколько капель попадет в расписную стекляшку, предназначенную для священного действа. Подумаешь, на пару капель меньше... Или больше... Какая, в общем, разница? Но умела, умела ее све-кровь аккумулировать тонус чужого напряжения и даже из таких, собственно, мелочишек. Держала свою стекляшку на уровне глаз, щурилась болезненно, шептала сухими губами:

— Шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три...

Шестьдесят четыре! Шестьдесят пять! Уф... Все, слава

богу. Апогей. Можно вздохнуть свободно. Нет, как это у нее получается, интересно? Специально старается, или природная органика такая?

Соня отхлебнула чаю, задумалась. Нет, не специально, наверное. Все-таки характер у Екатерины Васильевны был добрый, покладистый. Вот и сейчас – улыбнулась грустно, глядя на нее.

– А знаешь, Сонюшка... Мне иногда кажется, когда капли отсчитываю, будто годы мои так же в склянку прокапали... Очень уж быстро. От первого до шестьдесят пятого – полторы минуты. Иногда даже оторопь берет... Впрочем, тебе этого не понять. В твоем возрасте время еще безразмерным кажется. Вся жизнь впереди...

– Смотря какая – жизнь, Екатерина Васильевна. Если такая, как у меня...

Сказала – и осеклась. Зачем, зачем?... Зачем лишний раз трогать то, о чем нужно старательно умалчивать, зачем самой себе под дых бить? И под дых Екатерине Васильевне? Она-то уж точно этого не заслужила! Она ж вон после каждого трудного дня корвалол пьет. И ничего, не жалуется. Только вздыхает смиренно.

– Ты ешь, Сонюшка, ешь... Устала сегодня, наверное. Расскажи, как у тебя на работе дела? Удачный день был?

– Да так себе. Меня Самуил Яковлевич сегодня в свой процесс взял, на уголовку, чтобы я опыта набиралась.

– А что, сложный процесс?

– Ну да, сто восьмая, часть первая.

– Ой, я не понимаю, Сонечка.

– Ах да, извините. Это убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. А субъективная сторона преступления вообще-то вполне банальная. Приехал муж из командировки, а у жены – любовник. Ну, ему голову снесло, в состоянии аффекта за нож взялся. И пришлось бедному Казанове не только себя защищать, но и любовницу.

– Так в чем же тогда превышение-то? Этой, как ее... необходимой обороны?

– Да в разнице весовых категорий. Муж был так себе, хлипенький, да еще и матушка его в суд выписку из истории болезни принесла. Он, оказывается, толком и руки поднять не мог, какое-то специфическое заболевание. А убивец наш – мужичок довольно крепенький, бывший боксер.

– Да, жалко мать. Выходит, ее сына не только обидели, но еще и убили. Как такое пережить? Я бы на месте судьи прижучила этого бывшего боксера по полной программе. Судья-то женщина, надеюсь?

– Да женщина, женщина. Причем того самого возраста, позднего материнского. Самуил Яковлевич говорит, именно это обстоятельство и сыграет не в нашу пользу. Убивец-то – наш подзащитный.

– Ох, Сонюшка, не знаю, не знаю. Трудную ты себе профессию выбрала, совсем не женскую. Есть опасность с года-

ми душой очерстветь.

– Нормальная профессия, Екатерина Васильевна. Мне нравится. Да и Самуил Яковлевич меня хвалит, говорит, что я способная и хваткая. И что со временем из меня приличный адвокат получится. По крайней мере, это интереснее, чем за учрежденческим столом сидеть и бумажки перебирать!

– Это ты сейчас на Олега намекаешь, да?

– Да почему сразу – на Олега? Он не звонил, кстати?

Екатерина Васильевна вздрогнула и бросила на Соню быстрый взгляд. Нет, не сердитый. Растерянный, скорее. Она всегда немного теряется, когда надо на неудобный вопрос о сыне отвечать. И обязательно при этом держит паузу – выстраивает заранее мягкий ответ, будто соломки подстилает. А может, она, Соня, и впрямь спросила слишком резко? Не надо было.

– Да, он днем звонил, Сонечка. Мы с Николенькой аккуратно с прогулки пришли. Он на домашний номер звонил. Сказал, что мобильник потерял. Ты же знаешь, какой он рассеянный.

– И что сказал?

– Да так, ничего особенного. Спрашивал, как мы тут. Говорит, на работе опять аврал. Надо каждый вечер сидеть, да еще и выходные прихватить придется. Да ты позвони ему на домашний номер, время-то десять часов, он наверняка уже с работы приехал! Сидит там один, в чужой квартире, как сын.

А вот теперь вздрогнула Соня. И бросила на свекровь быстрый взгляд. И приказала себе: молчи! Молчи. Не ведись на трогательную нотку материнской заботы, не раздражайся. И пусть твое молчание тоже аккумулируется в паузу – и совсем не для того, чтобы мягкой соломки подстелить. Да, неловкая пауза получается, холодноватая, но что ж делать, откуда в ней осторожной мягкости взяться? Ведь если со стороны посмотреть, если объективно... Это что же у нас получается? Добрая милая свекровь советует злой невестке позвонить мужу на «домашний» телефон? Как будто это нормально, что «домашний» телефон как раз и не дома, а в чужой съемной квартире!

Соня медленно выдохнула вспыхнувшую так некстати обиду и проговорила тихо, опустив голову:

– Хорошо, Екатерина Васильевна, я позвоню...

Вот такой диалог у них получился, как искушение скоромной пищей в постный день. Хочется высказаться, да нельзя. А эмоции-то все равно пишат под прессом этого «нельзя», колышут кухонное пространство. Разве их за вопросами-ответами скроешь?

Екатерина Васильевна будто сейчас только вспомнила про свой корвалол, плеснула в рюмку немного воды из чайника. Выпила залихватски, как водку, сипло выдохнула, дрогнула вторым подбородком:

– Фу, гадость какая.

В комнате заплакал Николенька. Тонкие мяукающие зву-

ки проникли в кухню жалким призывом, разрывая напополам сердце. Нет, невозможно к этому привыкнуть. И ужасно стыдно, что – невозможно. Как невозможно привыкнуть к беде, к надругательству над человеческой природой. Вставай, мать, беги к своему несчастному дитю, к своему ребенку-котенку, родившемуся с синдромом Лежена...

– Сиди, сиди, я сама... – заполошно махнула рукой Екатерина Васильевна, соскакивая со стула. – Наверное, пить захотел...

Ну что ж. Сама так сама. Николенька бабкины руки лучше знает, чем материнские. Так уж получилось, что делать. Екатерина Васильевна сама на эту амбразуру бросилась, с первых дней, как Николеньку из роддома принесли. Пока сама Соня пребывала в депрессии да в горестно-обиженном недоумении к своему женскому организму, Екатерина Васильевна все первоначальные заботы на себя взяла, а их с Олегом вроде как отстранила героически.

Наверное, не надо было отстранять-то. Все же Николенька теперь, вместе со своей измененной пятой хромосомой, врожденными физическими пороками и отставанием в умственном развитии – это навсегда. И она ему – мать. А Олег – отец...

Как всегда, захотелось плакать. Соня уперла локти в стол, сложила ладони ковшиком, спрятала в них лицо. Ау-ау, нету меня... Можно, я лучше сквозь землю провалюсь, чтобы не слышать мяукающего плача моего годовалого сына Нико-

леньки? Мяукающего, разрывающего сердце плача – главного симптома генетического заболевания под названием «синдром Лежена»? Очень редко встречающегося, кстати... Редкого, но именно на их головы обрушившегося...

Все. Затих. Снова уснул, наверное. Надо слезы с лица смахнуть – нельзя, чтобы Екатерина Васильевна видела. Ничего ж не случилось особенного – подумаешь, ребенок проснулся.

Тихо скрипнула половица в коридоре – идет... Крадется на цыпочках.

– Сонечка, я ж совсем забыла. У меня же еще эклеры есть! Купила, когда гулять ходили, на улице, с лотка. Будешь?

– Нет, Екатерина Васильевна, спасибо.

Голос ее все-таки прогундосил слезно, и носом пришлось предательски хлопнуть. Екатерина Васильевна напряглась, но в лицо Соне не глянула, лишь затараторила быстрым шепотком:

– Да ладно, погоди отказываться. Эклеры свежайшие, сами в рот просятся! Ты же любишь, я знаю! Давай, давай... И чайник еще горячий. Нельзя организму в сладком отказывать, для нервной системы вредно. Ну, хоть половинку съешь.

Выложила перед Соней эклеры на тарелочке, подлила в чашку чаю. Села напротив, преданно улыбаясь:

– Ешь.

А что делать – пришлось. Хоть и противно стало во рту

от приторно-сладкого. Екатерина Васильевна удовлетворенно кивнула, заговорила тихо:

– Сегодня массажистка к Николеньке приходила... Сказала, что хорошая динамика есть. Говорит, хорошо бы потом, попозже, его на Мертвое море свозить, солями полечить. Как думаешь, это очень дорого?

– Думаю, да.

– Ничего. Вы же с Олежкой работаете. У него зарплата приличная, еще и повышение по службе обещают. Да и у тебя, надеюсь, дела в гору пойдут.

– Ну, когда они еще пойдут... У меня мало практики наработано. Все клиенты только Самуила Яковлевича хотят, никому адвокат без опыта не нужен.

– Ничего, Сонюшка, ничего... Это вопрос времени. Все как-нибудь образуется, вот увидишь. И с Олежкой у вас образуется, и с Николенькой... Я, кстати, когда он сегодня спал, в Интернет заходила, интересную статью нашла о том, как в американских клиниках таких детей адаптируют. При хорошем уходе многие симптомы уже через год исчезают. Там даже фотографии деток с синдромом Лежена есть – пятилетних, десятилетних. И знаешь – детки как детки! Симпатичные все, улыбаются! И глазки такие осмысленные. Главное, пишут, нельзя руки опускать! Но мы ведь не опускаем, правда?

– Да. Мы не опускаем. Только жаль, не в Америке живем. Здесь никому, по большому счету, до таких детей дела нет.

Твой ребенок – твои проблемы. Каждый за себя, одним словом. Да чего я вам объясняю, вы и сами все понимаете...

– Ну-ну... Не впадай в пессимизм, Сонечка. Мы еще поборемся за Николеньку. Вы с Олежкой молодые, здоровые, при хорошем образовании, все у вас впереди! Заработаете денег, поедem потом в европейские клиники.

– Врожденные изменения пятой хромосомы ни одна клиника не поправит, Екатерина Васильевна. Мне кажется, лучше постараться привыкнуть к правде, чем обманывать себя ложным оптимизмом. Принять все как есть.

Соня вдруг услышала себя будто со стороны – голос чужой, с грустными назидательными нотками. И ужаснулась – кому она сейчас это назидание втолковывает? Женщине, которая изо дня в день проводит время с ее больным сыном? Которая ринулась на амбразуру, чтобы освободить ее от материнских обязанностей? Выпустила на волю, как птицу из клетки? О господи! Как жестоко звучит – освободила от материнских обязанностей.

Но ведь и в самом деле – освободила. Когда она сына видит? Убегает утром в свою адвокатскую контору – он еще спит. Вечером возвращается – уже спит. А Екатерина Васильевна тут одна с ним крутится весь день. Потом корвалол пьет. Тяжело. Вон, как за этот несчастный год сдала, совсем в старуху превратилась, за собой следить перестала. Под подбородком дряблый мешочек повис, а раньше его не было. И волосы стала убирать в жалкий сухой хвостик на затылке, не

идет ей совсем. Надо бы хоть на парикмахерскую ее уговорить, пусть в выходные сходит.

Свекровь, будто прочитав ее мысли, суетливо огладила себя по лицу, по волосам, улыбнулась немного заискивающе:

– Завтра пятница, Сонечка... Скоро выходной. У тебя будет выходной, или какие-то дела намечаются?

– Нет, Екатерина Васильевна, в субботу ничего не будет.

– Ага. Ну, вот и замечательно. Сходите куда-нибудь с Олегом, развейтесь, отвлекитесь немного. Вы же нигде не быва-ете!

– Нет-нет! Давайте я лучше вас на пару дней освобожу. Вы ж безвылазно дома сидите, вам же тоже... Вон, в парикмахерской сто лет не были.

– Ой, да на что она мне, эта парикмахерская? И так сой-дет.

– Ну, тогда просто погуляйте, по магазинам пройдите-ся. На субботу погоду хорошую обещают... А еще лучше – в театр! Я же помню, как вы раньше театр любили!

– Да бог с тобой, Сонечка, куда уж мне. Еще чего придумала – театр! Собираться, одеваться, хлопотать-ехать куда-то... Нет у меня на это сил. Да и желания тоже, если честно.

– Ну, тогда просто поваляйтесь на диване с книжкой... А я с Николенькой погуляю. А потом, когда он уснет, обед при-готовлю. Вы завтра ничем не занимайтесь, я в субботу сама все домашние дела переделаю. И белье поглажу. Я видела,

там целая гора накопилась.

– Ладно... Будет день, там и поглядим.

Екатерина Васильевна вздохнула, поморщилась, вяло протолкнула ладонь под левую грудь, свободно и некрасиво обвисшую под тонкой трикотажной майкой.

– Да, Сонечка, поваляться бы мне не мешало... Что-то у меня сердце в последнее время с ума сходит. То колотится, как бешеное, толчками, то болью болит...

– Так надо к врачу, наверное? Кардиограмму сделать.

– Можно и сделать, отчего ж не сделать. И лекарства попить можно. Да только сама ж понимаешь – все без толку... Психосоматику никакими лекарствами не обманешь. Думаешь, я не переживаю за вас с Олежкой, за Николеньку? Еще как... А главное, страшно боюсь вас подвести...

– В каком смысле?

– Да в прямом, Сонюшка. Умереть боюсь. А умирать мне никак нельзя – сама ж говоришь, не в Америке живем. Ты права, здесь, по большому счету, никому до наших семейных проблем дела нет. Каждый сам за себя. Вот и боюсь оставить тебя без поддержки.

Соня сразу и не нашлась, что ответить. Все равно, что ни скажешь, будет звучать пафосно. Вроде того: ничего, мол, поживете еще... Глупо как-то. Но не уговаривать же ее не умирать, в самом деле. Неестественно все это как-то выглядит.

Хм... Неестественно. А как тогда естественно? Честно

признать, что это действительно была бы для нее катастрофа? Не надо, не умирайте, не подводите, как я без вас с Николенькой справлюсь? Ведь она именно ее, Соню, боится подвести. Не ее с Олегом, а одну ее! Оставить без поддержки – тебя! – она сказала. А о сыне – ни слова, черт побери!

Вместо ответа Соня глухо кашлянула в кулак, повернула голову к окну, за которым июньский вечер всюю праздновал нежные сумерки – теплые, ласковые, беззаботные. Силеные под бирюзовым небом. Вот бы сейчас рвануть туда, в сумерки... Идти вдоль домов в сторону заходящего за горизонт солнца, смотреть на редкие облака, подсвеченные оранжевой прощальной слезой... Какое малое беззаботное удовольствие и какое огромное. «Если б раньше знать, какое оно огромное», – подумала Соня. Если б она умела раньше это ценить... Нагулялась бы на всю жизнь вперед.

Подозрительно и некстати защекотало в горле – расплакаться еще не хватало. Ага, давай... Вместо ободряющих слов для Екатерины Васильевны слезу пусти. А заодно и обиду на нее выплесни – застоявшуюся, как тухлая болотная вода. Давай, она же все стерпит. Потому что она – хорошая мать. Героическая. Она умеет понять и защитить своего сына. Как умеет, как может... Ей-то зачем твоя тухлая обида сдалась?

Соня улыбнулась через силу, произнесла более-менее задушевно, как уж получилось:

– Идите спать, Екатерина Васильевна. А я посуду помою и

тоже спать пойду. Идите. Спокойной ночи. И утром не вставайте, не суетитесь для меня с завтраком, я вас умоляю! Лучше поспите лишний часок.

* * *

Зайдя к себе, Соня устало присела на кровать и в который раз подумала о том, как она ее сейчас раздражает. Широкая, занимающая половину пространства, с нелепыми ангелочками в изголовье. И вспомнилось ей, как они ее покупали... Как хихикали над этими ангелочками, символизирующими полет супружеского вдохновения.

– А что, Соньк, давай приколемся! Пусть будут мещанские ангелочки! Своего рода винтаж.

– Ой, да мне вообще все равно, на чем спать! Лишь бы с тобой! Хоть на раскладушке!

– Хм... Вот за это я тебя и люблю, Сонька. За полное пренебрежение к базису! Для меня тоже надстройка важнее. Надстройка-любовь... Неважно, на чем спать, важно – с кем!

– А еще важнее – как!

– Молчи, бесстыдница. Смотри, как бедный продавец покраснел.

– Да он не слышит, я же шепотом! Тем более он не продавец, а консультант! Значит, и в этом вопросе должен консультировать – как...

И прыснули-хрюкнули оба, с трудом сдерживая в себе

смех. Весело им было, надо же...

Соня вздохнула и принялась расстегивать мелкие пуговицы на белой блузке. Стянула с плеч, бросила на спинку стула. Теперь юбку...

Надо бы за выходные какой-нибудь другой прикид себе организовать. Порыться в шкафу. Что-нибудь строгое, но легкое. А в блузке и в черной юбке уже невыносимо – на улице плюс тридцать. Тем более кондиционер в офисе сломался. Сегодня еще и начала процесса в суде долго пришлось ждать, сидеть на стульчике в душном коридоре. Еще и психовать, что Олег трубку не берет!

Нет, можно ведь было позвонить, предупредить? Ну, посеял мобильник, с кем не бывает. Зашел бы, новый купил. Можно подумать, проблема. Да, весь он в этом – никак не может выплыть из состояния первой растерянности. Жует неприятность, как жвачку. Да если бы только неприятность.

Соня вдруг застыла, ощутив, с какой неприязнью думает сейчас об Олеге. А ведь договаривалась сама с собой. И слово Екатерине Васильевне давала. Понять, простить. Подождать, потерпеть. Проявить женскую мудрость и снисходительность. И ведь получалось вроде поначалу! И с пониманием, и с терпением, и с мудростью! А сегодня вдруг...

Тихо, тихо. Тихо, нельзя в себя пускать раздражение. Понятно, что причины для него есть, но не стоит срывать чеку с гранаты. Никому от этого лучше не будет. Хуже будет, а лучше – нет. И вообще, надо бы повернуть мысли в другую

сторону. В прошлое, например.

Какое громкое для них с Олегом слово – прошлое! Нет у них никакого прошлого, не образовалось пока. Есть только настоящее – обескураженное, нелепое, неправильное. А как это настоящее красиво начиналось, как вспышка света, с первого взгляда друг на друга из толпы! Да, есть что вспомнить, есть!

И толпа была. Толпа абитуриентов, облепившая списки «счастья» на стене в вестибюле юридического. И они, зажатые плечом к плечу. Пальцы, трепещущие, бегущие вниз к фамилиям на букву «п»... Оп! Остановились одновременно. Две фамилии рядышком – «Панкратов О.Ю.», «Панова С.Л.». И дружно хором – а-а-а... Ее – писклявое, взлетевшее вверх, его – басисто-самодовольное, упавшее вниз. И глянули друг на друга...

Вот тогда и вспыхнуло. Кто знает, может, на фоне счастья – поступили-таки! Справа и слева бьется-колышется толпа страждущих, чей-то локоть пребольно вонзился в бок, чье-то тревожное сопение над ухом... А они стоят, прилипли счастливыми взглядами. Олег первый опомнился, схватил ее за руку, вытащил из толпы.

– Ты Панова С.Л.?

– Да... Я Соня Панова.

– А я – Панкратов Олег. Ну что, пойдем, отметим?

– Пойдем...

Так и прошли все пять институтских лет – рука об руку.

Счастливые годы – как сон... Учеба – захлеб, и любовь – захлеб. Одно другому не мешало. Так уж получилось, что мечта о вожденном юридическом не только раскрыла объятия, но еще и обласкала любовью. И перспективами зацепиться в большом городе. А что? Если любовь, то и замужество не за горами... Впрочем, Соня о перспективах и не помышляла, куда там! Страшно и подумать об этом было – пачкать любовь хоть и правильным, но все же меркантильным расчетом. Пусть идет как идет... Какая разница, лишь бы вместе. Даже с мамой Олега не хотела идти знакомиться – кое-как затащил.

Екатерина Васильевна, помнится, встретила ее весьма сдержанно. Чаем напоила, но дальше пуговиц, как говорится, не пустила. Говорила приветливо, но с усмешечкой:

– Дайте хоть на вас взглянуть, Сонечка... Уже три года ваше имя в доме на слуху, а мы не знакомы. Непорядок, согласитесь?

– Да... Наверное. Непорядок.

– Вы так считаете?

– Почему – я? Вы сами сказали.

– А где вы живете, Сонечка? В общежитии? Трудно, наверное?

– Мам... Кончай, а? – поднял от чашки с чаем лицо Олег, озарив мать миролюбивой улыбкой. – Я ж тебе говорил – да, в общежитии она живет... Спроси еще, откуда она приехала!

– А почему я не могу спросить? – нарочито наивно взле-

тели вверх мамины бровки. – Это же понятно – если девушка живет в общежитии, значит, она приехала откуда-то. Не местная, значит. Что в этом особенного, не понимаю?

– Да ничего особенного. Просто видно, что ты с подтекстом спрашиваешь. Успокойся, мам... Расслабься. У нас и правда любовь. Так бывает, придется поверить.

– Прекрати, Олег. В какое ты меня положение ставишь перед Соней? И вовсе я не... Я без всякого подтекста.

Странно – она Екатерине Васильевне больше в этом диалоге сочувствовала, чем Олегу. Потому что понимала прекрасно. Ситуация-то, с какого боку ни посмотри, вполне классическая! Да, девушка из провинции! Да, прописка общежитская, временная! А кто их знает, этих щучек провинциальных? Прикинутся влюбленными, окрутят сыночка, а потом прописывай ее, рискуй жилплощадью. Потому такой и подтекст, как вой тревожной сирены – сын в дом потенциальную захватчицу привел! Свистать всех наверх, принять боевую позицию, расчехлить орудия!

Да, Соня ее прекрасно понимала. И не обиделась нисколько. Еще и Олега потом успокаивала, когда ее провожать пошел:

– Нет, а как ты хотел? Все правильно. Она по-другому не может. Она же мать...

Да уж, мать. Как потом оказалось – еще какая. В смысле самоотверженности. За любимого сыночка – на любую амбразуру. Ее готовность упасть на амбразуру и привела к то-

му, что их с Олегом отношения дошли до состояния абсурда! А как иначе назовешь? Вроде и семья, а живут по разным квартирам.

Свадьбу они сыграли летом, аккуратно после защиты дипломов. Скромная была свадьба, но веселая. Денег у них на свадьбу не было – отец Олега взялся им это мероприятие оплатить. Тогда она с ним впервые и познакомилась – очень симпатичный оказался дядечка. Верткий, смешливый, разговорчивый – все у него получалось как бы между прочим! Все – по звонку «друзьям». Она так и не поняла толком, кто он такой. Вроде и не начальник, а команды по телефону раздает. Суперделовой человек, одним словом. И новая жена отца ей понравилась, но особенно сблизиться с ней не получилось, потому как побоялась ущемить самолюбие Екатерины Васильевны. Все-таки именно с ней придется жить бок о бок.

И свадебное путешествие у них было – в Египет. Путевки тоже отец Олега подарил. Недорогие, конечно, но они и таким были рады! Целая неделя моря, солнца, счастливой беззаботности.

Заботы потом начались, по приезде домой. Пора было с трудоустройством определяться. С ней-то все, по крайней мере, ясно было – еще на практике приглянулась начальнику адвокатской конторы драгоценному старичку Самуилу Яковлевичу, он и обещал ей у себя местечко стажера. В перспективе – два года практики, потом экзамен в коллегии адвокатов, и вот она, заветная «корочка» – адвокатское удостове-

рение... Лети вперед, не хочу, энергии-то не занимать! И голова на месте, и с коммуникабельностью все в порядке. Да плюс обаяние, да плюс красный диплом.

У Олега с этими прелестями натуры все обстояло гораздо хуже. Не в том смысле, что был глуп и некоммуникабелен, а просто... из другого теста сделан. Да и не прельщала его адвокатская карьера, не умел он, как выражалась Екатерина Васильевна, бежать впереди чумовой настырности.

— ...Олежке спокойное место нужно, более стационарное. Он по натуре спокойный интеллигент, Сонечка. В хамских обстоятельствах быстро теряется, стрессоустойчивости ему не хватает. Просто ума не приложу, где бы он мог себя реализовать! Может, юрисконсультom в какой-нибудь достойной фирме?

Да уж. Декларировать хорошо, да сделать трудно. Можно подумать, работодатели из «достойных» фирм с утра к ним в дверь очередь занимали!

Однако у Олега хватило ума тайком обратиться с просьбой к отцу. Тот подсуелится, включил старые связи, пристроил сына довольно удачно — не по специальности, конечно, но близко к ней. А что — довольно приличное чиновничье место нашел, в аппарате районной администрации. Для начала, как говорится, пятым подползающим у третьего заместителя, но в дальнейшем с большими перспективами. Екатерина Васильевна, узнав об этой новости, очень обрадовалась — мол, это именно то, что доктор прописал! — а потом вдруг усмехну-

лась с сарказмом, плеснув в сына неизжитой обидой:

– Хм! Надо же, как это он про тебя вспомнил... Столько лет дела до сына не было, а тут надо же! И свадьбу организовал, и место нашел. Но запомни, сынок, этот человек проста ничего не делает! Смотри, потом предъявит тебе счет. Я бы на твоём месте крепко подумала, прежде чем принимать от него такую заботу.

Олег почему-то не сказал ей всей правды. Что сам к отцу с просьбой ходил. Берег мамино самолюбие. Пусть, мол, думает, что она для сына самый главный человек в жизни. Иногда брошенной мужем женщине не за что больше цепляться, кроме своей материнской самоотверженности. Если мама сама себе такой постулат придумала, что же – пусть.

Соня в отношении Екатерины Васильевны и Олега не вмешивалась, хотя многое ей казалось странным. А может, и не было в этом ничего странного... Кто знает. Сравнить-то все равно не с чем было. Ее мать и отец уж пятнадцать лет как на кладбище в родном городке лежали, Соню мамина сестра воспитывала, тетя Люба. Но за ней отродясь не наблюдалось такой истовой любви-самоотверженности. Да и откуда? Она ж в бабьем одиночестве всю жизнь прожила, своих детей не было. Это уж потом, когда гирю-племяшку с плеч сбросила, сошлась с кем-то. Присылала пару фотографий, вроде ничего мужичок. На вид плюгавенький, конечно, но какого уж Бог послал. Соня за тетю Любу рада была...

Отец Олега его потом и в смысле «перспектив» не бро-

сил. Как-то сразу и резво двинулась карьера Олега вперед, слишком подозрительно резво, чтобы не разглядеть в этом невидимую власть нужной «волосатой руки». Соня только диву давалась, наблюдая, как муж шагает по строчкам административного штатного расписания! Через полгода – уже должность в информационно-техническом отделе! Еще через полгода – главный специалист! А еще через полгода – уже начальник отдела!

Правда, на этой должности Олег и остановился. Отец его полгода назад умер, не успел с бывшими друзьями-управленцами положенных коньяков выпить и шашлыков съесть. Так Соня до конца и не уяснила – кем он был.

А ее никто никуда не двигал. Самуил Яковлевич пригласить пригласил, но особо не баловал. Два года оттрубила в стажерах по полной программе. И «принеси-подай», и «за сладеньким к чаю сбегай» – всякое бывало... Служебную дедовщину, как говорится, еще никто на законодательном уровне не отменял. А как тряслась перед экзаменом, чтобы получить заветные корочки, это ж отдельная песня была! И потом, когда самостоятельно пошла в первый процесс... Она до сих пор его помнит, в мельчайших деталях. Так волновалась, что вместо принятого обращения к судье «ваша честь» ни с того ни с сего выпалила: «ваше величество»! Судья аж поперхнулась и долго выдохнуть не могла – рвущийся наружу смех сдерживала.

А потом ничего, пошло-поехало. Начали вырисовывать-

ся перспективы – и профессионально-амбициозные, и приятно-материальные, соответственно. Кто ж его знает, где бы она сейчас была, если б не оборвали карьерный взлет те самые две полоски на палочке-тесте? Две полоски, великая семейная радость, распахнутые счастьем глаза Олега, счастливый вздох Екатерины Васильевны. Да и сама она, помнится, ходила в таком же счастливом обалдении... Вплоть до самых родов ходила. А потом... Потом началась другая жизнь. Да кто ж знал...

Вообще-то, конечно, надо было знать. Зря она тогда на поводу у Олега пошла. Надо было своим умом жить, а не мужниными амбициями! Да еще эта привычка дурацкая – каждую мелочь, каждую деталь протекания своей беременности обсуждать... Требовала же врача из женской консультации – надо сделать тест на выявление врожденных пороков плода! А она зачем-то это требование на семейный совет вынесла...

– Хм... Еще чего! – искренне возмутился Олег. – Да что они там, в этой твоей консультации, себе позволяют! Я здоров как бык, ты тоже здорова. Еще чего! Ребенок еще не родился, а его заранее унижают сомнениями! Прямо беспредел какой-то! Нет уж, я своего сына в обиду не дам! Чтоб какие-то тупые медицинские теткли...

– Но всех заставляют, Олег...

– Вот именно – заставляют! Это ты правильно сказала. Им главное – заставить, окунуть фейсом в дерьмо сомнений!

Мазохизм от медицины, называется! Мы одни умные, а все кругом – дураки.

– И впрямь, Сонечка... – робко, как всегда, поддержала сына Екатерина Васильевна. – Ну сама подумай – откуда чего? Все эти тесты такие приблизительные... Напутают чего-нибудь, тебя до смерти напугают... Будешь потом ходить и волноваться, а тебе вредно! И на ребеночке может отразиться!

– Вот именно! – с энтузиазмом подхватил Олег. – Своим умом надо жить, самим себе верить! Нет, придумали же... Родители абсолютно здоровы, а ребенок, значит, может родиться с врожденными пороками! Бред, чушь!

– Так мне что, отказываться от теста? Там расписку требуют.

– Ах, они еще и требуют! Да кто они такие, чтобы требовать? Лучше бы о твоём эмоциональном спокойствии больше пеклись!

– Да-да, – согласно кивнула Екатерина Васильевна. – У моей знакомой дочка, когда беременная ходила, сделала этот самый тест... Ну, и что ты думаешь, Сонечка? Объявили ей результат – у вас, мол, пороговый риск рождения ребенка с синдромом Дауна... Ох, в каком они страхе до самых родов жили! Дочка вся извелась, чуть с нервным срывом в клинику не загремела! Это на шестом месяце беременности, представляешь? Дурные мысли-то из подсознания никуда не денешь, как себя ни уговаривай... А потом в положенный срок

родила абсолютно здорового ребеночка! Вот вам и весь пороговый риск! И никто ведь не объяснил ей заранее, что у молодой матери при условии отсутствия генетических заболеваний в семье этот риск практически равен нулю!

– Правильно! А зачем? Пусть понервничает, пусть знает свое место. А как ты хотела, мам? Это ж наша медицина, административно-карательная.

– Ведь у тебя, Сонечка, не было в семье... Ну, этих самых... генетических заболеваний?

– Нет, что вы.

– И чего тогда нам бояться? Олежка прав.

– Ой, ну все, мам, хватит уже, – страдальчески сморщил красивое лицо Олег. – Хватит, закроем тему. Про всякие вредные тесты забываем, ждем здорового ребенка! Не будем сами себе нервы щекотать, мы нормальные здоровые люди, а не мазохисты, в конце концов. Пиши завтра расписку, Сонь, что отказываешься.

– Ладно...

Врач в консультации очень потом сердилась. Даже Олегу звонила, пыталась что-то объяснить про обязательность. А он ей нахамил. Вежливо так нахамил. Сказал – спасибо, мол, за старание. Может, вы и хороший врач, но, к сожалению, административной системой воспитанный... Возьмите с моей жены, мол, расписку, подшейте в папочку и оставьте ее в покое, наконец. Ей еще носить и рожать...

Роды были очень тяжелыми. Даже в памяти ничего не

осталось – одни провалы. И боль, бесконечная боль... Сознание не справлялось, боль вырывалась из нутра звериным криком.

Было еще что-то в этой боли. Ощущение тревоги, горький вкус подступающей развязки драмы. А потом вдруг отпустило, и она поплыла в забытии...

Помнится, последняя мысль была вяло-удивленная – откуда здесь, в стерильной родовой, котенок? Такой слабый мяукающий писк... Надо бы прогнать, он же с улицы может быть, заразный... Да уберите же наконец котенка...

Потом очнулась – уже в реанимации. Белый потолок с трещинкой в правом углу. Грудь болит. И живота нет. Родила, значит... И снова – ощущение неправильности живого пространства – что-то не так... Витает что-то в воздухе, тревожно-неотвратимое. Что?

Вошла медсестричка в повязке, склонилась над ней, поправила капельницу. Надо бы спросить у нее про ребенка...

Но Соня не успела. Сестричка будто отшатнулась, ушла. Да, ей долго не говорили... Пока окончательно в себя не пришла. И Николеньку долго не приносили. Только через три дня в общую палату перевели. Утром пришла врач – женщина средних лет, безликая, со строгим выражением глаз.

– Ну, как вы себя чувствуете? Силы есть?

– Да... Почему мне ребенка не приносят? У меня молоко...

– Это хорошо, что у вас молоко. Но ребенок пока в кювезе,

очень слабенький.

– А что с ним?

Врач вздохнула, с тоской посмотрела в окно. Потом вздохнула еще раз, произнесла ровным голосом, казалось, без доли сочувствия:

– Ваш ребенок родился с пороком развития, это в медицине называется – синдром Лежена...

– Как? То есть... С каким синдромом, я не поняла.

– Синдромом Лежена. Нарушение структуры одной из хромосом пятой пары. В народе еще называют – синдром кошачьего крика.

– А... А это что? Это лечится? Или?..

– К сожалению... Ну-ну, не надо так! Вам что, плохо? Хотите, укол успокоительного сделаю?

– Нет... Не надо.

– Что ж... Наверное, правильно, что не надо. Ничего не поделаешь – вам придется это принять. Я понимаю, нелегко сразу, в первую минуту... Ничего, потом привыкнете. Первое отторжение уйдет, самое непереносимое, и начнете с этим жить.

– Как? Как жить? Что вы говорите, доктор! Нет, я не понимаю... Не могу...

– Ну, поплачьте, что ж... Это хорошая реакция, поплачьте. Вообще-то простите меня, но вы сами виноваты. В карте написано, что вы от скринингового теста отказались. Не к месту и не ко времени это сейчас говорить, но...

– Да... Я сама... Я сама виновата... Господи, да за что же?!.

– Хм... Знаете, вот сколько работаю, столько и слышу в подобных случаях: за что? А вы все-таки соберитесь с силами, спросите по-другому! Может, не «за что», а «для чего»? Есть, есть в этом вопросе смысл, поверьте мне. А впрочем, чего я перед вами философствую, не та минута... В общем, у вас есть время – еще неделю как минимум здесь продержим. Решайте сами.

– Что... решать?

– Вы можете написать отказную. Ваше право. Посоветуйтесь с родственниками.

– Отказную?! Да вы что?! Нет, конечно же, нет! Об этом даже речи быть не может!

Голос вдруг зазвенел, отдался болью в затылке. Соня застонала, закрыла глаза, оттолкнула от себя воздух вялыми руками. И врачиху эту безликую тоже будто – оттолкнула... Пусть уйдет! Сказала же – нет. И речи не может быть. Что ей еще надо от нее?

Соня и не могла ответить ей по-другому. Сама по себе страшна была мысль – ответить по-другому. Только потом, после времени, понимать начала – почему. Да-да, именно от страха, заложенного в противоположной мысли... Не от скороспелого взлета материнской любви к своему несчастному Николеньке – чего уж, надо иметь смелость это признать! – а от постыдного страха. Многими нашими благими порыва-

ми руководит этот постыдный страх – сермяжный, первородный. И многие натягивают на себя белые одежды благородства из страха. Как же – осудят ведь. Честно благородный социум и осудит. И никто в такие моменты и мысли коварной не допускает, что сами по себе честность да благородство в их чистом виде – это ведь другое что-то, к страху отношения не имеющее. Это уже – ипостась иная, внутренняя, независимая, не траченная внутренним испугом и давлением извне. И настоящее материнское чувство, позволяющее принять несчастное дитя таким, какое на свет народилось, – это тоже другое... Это чувство природой, Богом дано. И плевать ему на осуждение или одобрение социума, оно просто есть, само по себе живет. И счастливы те, у кого оно есть. И пусть благодарят природу и Бога.

А если нет – что ж, делай по правилам. Кого родила, того бери и расти. Как – это уж твои заботы. А к заботам приплюсуй еще и непреходящую постыдную безысходность, прими ее, смирись, потому что никуда от нее не денешься, никаким волевым движением души не избудешь. Это – навсегда. Это – уже не изменить. Не придет добрый врач, не вылечит, как простуду. Это – навсегда.

Нет, добрых и философских разговоров об этом много, конечно. Как сказала врачиха – не спрашивай, мол, за что, лучше спроси – для чего. Успокоительные рассуждения, в пользу бедных. Такие, мол, дети – счастье в семье, Божьи подарки. А если человек не может, не умеет принять подарка?

Если он не приспособлен для него, да просто – не талантлив? Должна же быть хоть какая-то гармония, баланс между подарком и способностью его принять с радостью? Ну не получается если?! Как тогда надо приучаться к этому безысходному «навсегда»?

Страшное какое слово – навсегда. И ужасно стыдное. Не само по себе слово стыдное, конечно, но фон присовокупления стыдный. Потому что не должна мать рефлексировать, права не имеет. И от того еще горше на душе – от самоуничтожения... Слаба, слаба оказалась перед испытанием, не можешь с собой совладать. Не мать, а полное ничтожество. Провалилась в омут этого «навсегда», не можешь выплыть. А выплывать надо, надо! Да, твой сын Николенька – это навсегда! С его лунообразным лицом и писком котенка, с косо прорезанными и широко расставленными глазами, пороками сердца и сосудов, с отставанием в умственном, психомоторном и физическом развитии – навсегда! И ты при нем – навсегда! Навсегда! Запомни это, прими, смирись! И люби.

Нет, она его любит, конечно же. Уж как получается. Пусть это любовь-смирение, любовь-стыд. Хотя у настоящей материнской любви не может быть никаких оттенков. Но как от них избавиться, от этих оттенков, если, например, везешь коляску по улице и ловишь на себе сочувствующие взгляды прохожих? Но прохожие – это еще ничего, наплевать ей на них, по большому счету. А вот когда на взгляд Олега невзначай нарываешься, тут уж собственная пристыженность поне-

воле гневом обращивается. Ох, сколько там страдания молчаливого, непроходимой замкнутости в самом себе! Как будто Николенька его страшно оскорбляет своим присутствием.

Он даже в роддоме побоялся его на руки взять. Медсестра протянула сверток, а Олег онемел. Стоит как столб, весь бледный, испарина на лбу выступила, кадык по шее туда-сюда ходит – еще немного, и в обморок упадет. И глаза такие... Несчастные, безумно-затравленные. И это ее Олег! Всегда легкий на подъем, романтично влюбленный, уверенный в себе! Выходит, и не уверенный вовсе...

Екатерина Васильевна тогда героически спасла ситуацию. Выплыла из-за спины сына, как тень, оттолкнула легонько в сторону, протянула руки к кружевному свертку. Лишь приказала сыну коротко:

– Сонечке – цветы, медсестре – конфеты...

Он автоматически кивнул, засуетился некрасиво, нескладно. Как сцена из комедийного фильма под названием «дитям – мороженое, а бабе – цветы». Главное – не перепутать.

Со стороны, наверное, и впрямь смешно выглядело – какой папаша испуганный оказался. Соня отдала ребенка Екатерине Васильевне, глянула на Олега в отчаянии... Едва сдержала слезы обиды, сжалась в комок. И лицо вспыхнуло, как от пощечины.

А дома уже не до обид было – как-то затянулось все хлопотливой паутиной. Кормление, купание, постирушки, веч-

ный недосып, голова кругом. Олег приходит поздно – на работе аврал. С трудом часок выкроил, чтобы до загса доехать, ребенка зарегистрировать. Сунул ей свидетельство о рождении, будто обременительную бумажку какую...

– Сонечка, теперь бы в церковь, окрестить надо! – торопливо произнесла Екатерина Васильевна, упреждая ее обиженную реакцию. И опять, как тогда, в загсе, заслонила собою сына. – Но это уж мы сами с тобой, Олежке же некогда...

В церкви она плакала. Как ей казалось, слезы были чистые, светлые. Батюшка с большой осторожностью принял слабое тельце ребенка в руки, окунул в купель. Потом похвалил их, что имя дали ребенку по святцам, сказал, что его святой Николай-угодник беречь будет. Очень хорошее имя – Николай. Коля. Коленька. Это уж потом Екатерина Васильевна переименовала его в Николеньку. Так и пошло – Николенька да Николенька...

Впрочем, ей всегда чудился в этом какой-то подвох. Слышалось в двойной уменьшительной ласковости – Николенька – что-то до боли пронзительное, уничижительно-снисходительное. Здорового ребенка так никогда не назовут. Он будет Колей, Коленькой, Колькой, Колясиком... Да кем угодно! Но не Николенькой же... Был, был тут обман. Сами себя обманывали. Будто искупали свое стыдливое смирение. Олег хоть не притворялся, по крайней мере.

Да, он не притворялся. Он отстранялся. Своим болезненно замкнутым отчуждением и отстранялся. Приносил паке-

ты с продуктами, бегал в аптеку, подвозил до дома задержавшуюся около Николеньки массажистку – делал все, что попросят. С первого зова, очень старательно. Но долго в одной комнате с Николенькой находиться не мог... Впрочем, никто от него такого «подвига» и не требовал. Соня – от гордости, Екатерина Васильевна – из жалости. Потом как-то сами собой и по комнатам распределились. Соня со свекровью в одной комнате около Николеньки крутились, а Олег, когда в редкие часы дома бывал, в другой, сам по себе. И все бы ничего, если б однажды Олег не прихватил ее на кухне в жаркие объятия, не прошептал горячо-виновато в ухо:

– Я так соскучился, Сонь... Придешь ко мне ночью?

Ох, вот тут ее и прорвало... Все высказала, через слезы, через нервное дрожание рук у лица, через истерическое торопливое всхлипывание:

– Ты... Как будто я виновата... За что? Он же твой сын! А ты... Уйди от меня, видеть тебя не могу! Сволочь, сволочь!

– Сонь, ну погоди... Прости меня, Сонь! Да, я сволочь, я и сам понимаю... Но не могу я, Сонь! Вот тут... – Олег нервно постучал себя кулаком по грудной клетке, – вот тут что-то сидит, никак справиться с собой не могу... Ну что мне делать, скажи?! Ну не могу...

– А я, значит, могу?

– Да, ты можешь. Ты мать. У тебя материнский инстинкт на автомате срабатывает. А я...

– А ты – отец!

– Да, я отец. Я ж не отказываюсь. А только мой инстинкт пока в шоке находится, не может оправиться от обиды.

– Не поняла... Какой обиды?

– Не знаю... Такое чувство, что мне природа в душу плюнула. И надо жить с этим плевком.

– Ты... Ты хоть понимаешь, что сейчас несешь?!

– Да понимаю, понимаю... Прости, Сонь! Но как есть, так и говорю. Чистую правду. Да, ты права, я все понимаю... Ну дай мне время, Сонь.

– Да пошел ты! Правдолюб обиженный, подлый чисто-плюй! Эгоист, маменькин сынок! Не прикасайся ко мне, я сказала!

– Ну как ты не можешь понять?!

– Да, не могу понять! Почему я должна что-то понимать? Я что, чем-то от тебя отличаюсь? Думаешь, у меня... Думаешь, я... А если я вот так же на природу обижусь, как ты? И что тогда?

– Ну скажи, что мне делать? Голову пеплом посыпать? Уйти, чтобы тебе легче стало?

– Ну и уходи! Не могу видеть твою кислую рожу изо дня в день! Она меня оскорбляет, понимаешь?

Олег ничего не ответил, лишь вздрогнул нервно, сильно потер ладонями лицо. Махнув рукой, вышел из кухни. Суетливо завозился в прихожей, хлопнула дверь...

Соня упала на кухонный стул и снова затряслась в рыданиях. Однако ей тут же легли на плечи мягкие руки Екате-

рины Васильевны:

– Перестань, Сонечка, перестань... Давай лучше сядем и подумаем, что же нам в сложившейся ситуации предпринять.

– А что предпринять? – Соня подняла на нее злое зареванное лицо. – Вы же сами все слышали, что тут можно вообще... предпринять?

– Но согласись, дальше так продолжаться не может. Вы же разведетесь под горячую руку! Еще пара таких выяснений, и...

– Ну и пусть! Пусть разведемся! Заберу Николеньку, уйду!

– Куда ты уйдешь, Соня? Тебе есть куда идти?

– Нет... Некуда мне идти... Совсем некуда. Но что, что мне тогда делать-то?! Если он так со мной... Думаете, мне не обидно, да? Сейчас же соберусь и уйду! Не могу, не могу больше!

– Погоди, погоди, Сонечка, не горячись. Я понимаю, обидно, конечно. И мне бы на твоём месте было обидно.

– Нет, вы не понимаете, к сожалению. Олег ваш сын, вы любое его поведение способны оправдать. Вам легче. А мне...

– Ну, может, ты и права... Но давай рассуждать объективно, Сонечка. Ведь где-то его можно понять, он мужчина. Может, и в самом деле надо просто пойти ему навстречу? Просто поверить? И дать ему время?

– Да его и так никто особо не напрягает.

– Да нет, я другое время имею в виду, Сонечка. Пусть он поживет отдельно от нас. Вообще – отдельно. Как бы в самоизоляции. Подумает, успокоится, найдет в себе силы принять. Он обязательно примет, Сонечка. Просто ему нужно время и расстояние.

– Ну да, конечно... Ему нужно, а мне не нужно, я из другого теста сделана. А только не забывайте, что Николенька – наш общий сын. Общий, понимаете?

– Да... Но я ведь тебе помогаю, Сонечка. Потерпи немного, пока грудью кормишь, а потом... Потом я тебя отпущу.

– В смысле – отпустите? – вытаращила на нее Соня глаза. – Вообще, что ли? Иди на все четыре стороны? Да разве... разве я смогу? Нет, ну это уж совсем... Да как вы могли так обо мне подумать?!

– Нет, нет, что ты! Ты неправильно меня поняла! Отпущу – это в том смысле, что все хлопоты с Николенькой я на себя возьму! Я еще в силе, я смогу... И подниму его, как смогу... Ничего, Сонечка, все со временем наладится. И с Олежкой у вас тоже наладится. Вы будете работать, жить своей жизнью, а мы уж с Николенькой как-нибудь сами...

– Что ж, понятно... Опять ради сына на амбразуру бросаетесь, да?

– Ну почему – ради сына? Ради вас обоих. Я же тебя тоже люблю, Сонечка. Тем более виновата я перед тобой. Страшно виновата...

– Да ладно, вы-то тут при чем?!

– Но как же... Помнишь тот разговор на кухне, когда мы с Олежкой убедили тебя этот проклятый скрининговый тест не делать?

– Ну, помню...

– Ты прости меня, Сонечка! Но я тогда правда как лучше хотела... Это потом, уже после, меня вдруг воспоминанием озарило! Прости, виновата я перед тобой!

– Не поняла... Каким воспоминанием вас озарило?

– Ох... Ладно, расскажу, теперь-то уж чего. Я ведь про свою маму вспомнила потом, Сонечка... Мне лет пять было, когда она второго ребенка ждала. И так они с отцом радовались, все повторяли мне – скоро у тебя, Катюша, братик будет, братик! И я с ними радовалась, братика ждала. А потом... Потом маму рожать увезли. И вернулась она из роддома уже другая – без живота, без ребенка и будто какая-то... сильно пристыженная. Ходила по дому, как тень, плакала все время. А я ж маленькая была, не понимала ничего! Пристаю к ней с расспросами – а где братик-то, мама? Отец слушал-слушал, потом зубами заскрипел и ка-ак даст мне затрещину! Отволол в угол, проговорил зло, раздраженно: «Чтоб никогда больше про братика ни слова, ни полслова, поняла? Забудь, не было никакого братика. Вообще – не было. А если кто из взрослых тебя спросит, говори – умер, мол, братик...» Это уж потом, когда с тобой такое случилось... Ой, прости, с нами со всеми случилось, конечно же...

Это уж потом у меня в голове это воспоминание всплыло, и объяснения сами собой пришли, отчего отец такой злой был. Я думаю, он маму уговорил тогда от ребенка отказаться. Он тоже, наверное, с синдромом Лежена родился... Раньше ведь другие условия жизни были, в роддомах рожениц уговаривали отказываться. Так что это наша кровь, Сонечка. Наш родовой сбой в генетике, мы и виноваты... Видишь, как поздно меня озарило-то! Прости, прости меня, Сонечка! Виновата я перед тобой.

Екатерина Васильевна закрыла лицо руками, мелко затрясла головой. Но после короткого отчаянного всхлипа вдруг застыла, провела ладонями по щекам, силясь прогнать слезы.

Соня сидела, как истукан, ни жива ни мертва, наблюдая, как трудно дается бедной свекрови усилие над собой. И от полученной информации тоже была ни жива ни мертва... Даже не нашлась что и ответить.

– Значит, мы так сделаем, Сонечка. Через месяц-другой закончишь Николеньку грудью кормить, и ступай-ка ты на работу! А я уж тут сама... Только прошу тебя, Сонечка, умоляю... Не трогай пока Олежку! Пусть он поживет отдельно от нас, квартиру себе снимет! А со временем все наладится, поверь мне. По крайней мере, другого выхода я не вижу. Время все по своим местам расставит. Дай ему время, Сонечка! Он же любит тебя, очень любит! Ну, прости его хотя бы за это.

– Что ж... В одном вы и правы, пожалуй. Другого выхода у меня все равно нет. Уходить мне некуда.

– Ну, вот и хорошо! Сейчас он придет, и мы все вместе сядем, поговорим...

Переговоры, случившиеся через два часа, уже ночью, когда заявился хмурый виноватый Олег, прошли в «теплой дружественной обстановке», если можно присобачить к ним такой официоз. Уже на следующий день Олег позвонил с работы, попросил собрать его вещи. Маме позвонил, не Соне...

С тех пор и началась для них эта странная жизнь. Вроде и есть семья, и в то же время нет семьи. Лишь витал над этим «то ли есть, то ли нет» призрачный постулат Екатерины Васильевны – «ему надо время». Да, Соня его приняла, этот постулат. А что оставалось делать? Пусть будет так – Олегу надо время. А только оно тянется и тянется – в никуда. Уже и полгода прошло. Соня и на работу успела выйти, и привыкнуть к несуразности своего семейного положения, и вообще, каким-то странным образом все постепенно устаканилось. С горечью приходилось Соне признавать, что она все это приняла... Встречались они у Олега на квартире, как тайные любовники... Перезванивались в течение дня, на ходу, на бегу...

А может, и хорошо, что на бегу? Когда бежишь, думать особо некогда. Тем более – обиды вытаскивать да через лупу их рассматривать на бегу неудобно. Но иногда, поздним ве-

чером, когда ей, как сейчас, приходилось ложиться на свою половину кровати с амурчиками – на Соню вдруг накатывало... И она понимала, что сна не будет. Будет не сон, а что-то похожее на дрему-недоумение, с чувством стыда внутри, как с желудочной изжогой. Олег, Олег, что же это?! И сколько все это будет продолжаться? «Да, ты меня любишь, я тебя люблю... – думала она. – Мы это знаем. Но дальше-то – что, что, Олег? Как плохо без тебя – на нашем семейном ложе... И хочется услышать твой голос».

«Да, голос, – подумала Соня. – Можно же позвонить. Тем более Екатерине Васильевне обещала». Она нащупала на прикроватной тумбочке мобильник, включила настольную лампу, села в подушках, автоматически кликнула номер. Опа, совсем забыла... Он же мобильник сегодня потерял! Так, вроде стационарный номер телефона в съемной квартире в мобильной памяти был сохранен...

Олег ответил в ту же секунду, будто ждал.

– Да, слушаю!

– Не спишь? Привет...

– Не сплю, конечно! Жду, когда ты про меня вспомнишь!

– А сам что, не мог позвонить?

– Сонь, я сегодня телефон посеял... А твоего мобильного номера наизусть не помню.

– «Посеял, не помню». Как у тебя все легко и просто. Даже завидно.

– Ладно, не ворчи. Как день прошел?

– Да нормально... С Самуилом в процессе была. Потом еще в контору заехали. Домой только к девяти добралась.

– А... Вообще-то я тебя ждал сегодня. Соскучился – жуть. Цветы купил, ужин приготовил...

Соня почувствовала, как губы скривились в жалком подобии грустной улыбки. Надо же, ждал он... Соскучился...

Было, было в этой телефонной интимности что-то до ужаса неприятное, подлая вибрация совместно придуманной лжи. Было, но ощущалось-таки отдельным потоком, заранее и взаимно простительным, шло будто параллельно любви...

Да, она любит его. И он ее – любит. И что, что теперь с этой любовью делать? Отменять волевым решением? Вытаскивать на свет гордость-обиду и отменять? Ага, пробовала уже – не получается. Обида сильна, но любовь сильнее. Обида может молчать, а любовь – не может. Оказывается, это в принципе возможно – обижаться и любить одновременно. Господи, как же неправильно, как стыдно устроена бабья душа...

– Чего молчишь, Сонь? Соскучился, говорю!

– Я слышу, слышу...

– Может, я завтра тебя встречу с работы вечером? Посидим где-нибудь... Или сразу ко мне поедem.

– Не знаю... Завтра видно будет.

– Тогда я позвоню тебе завтра?

– Ты же телефон потерял, как ты мне позвонишь?

– А я утром новый куплю...

– Так ты же моего номера не помнишь!

– А ты скажи – я запомню.

– А вот не скажу...

– Ну, Сонь...

Глупый разговор, детско-пионерский какой-то. Если б еще не знать, что в соседней комнате спит их общий сынок Николенька... Ложь, все ложь. И разговор этот – ложь.

– Ладно, Олег, спокойной ночи! Спать хочу!

– Я тебя обидел чем-то?

– Ладно, все... Пока...

Соня отбросила телефон на тумбочку, нырнула с головой под одеяло. Поплакать, что ли? Давно не плакала...

Только она приготовилась вздохнуть сладко-слезно, как раздался стук в дверь. Тихий, аккуратно-вежливый. Да что это такое – даже поплакать нельзя! Соня села на постели и произнесла бодренько:

– Да, Екатерина Васильевна! Входите, я не сплю!

Свекровь вошла круглой тенью, села на краешек кровати. В темноте лица не было видно. Только глаза блестели слезами – тоже плакала, наверное.

– Я вот что подумала сейчас, Сонечка... Может, вам с Олегом в отпуск съездить? На море куда-нибудь.

– Да что вы, какой отпуск, Екатерина Васильевна? Кто ж меня отпустит? Рассмотрения дел в судах назначены... Да и у Олега, по-моему, квартальный отчет на носу.

– Да? Жалко. Ну, хорошо, отдыхай...

– А что это вы опять за сердце держитесь? Болит?

– Да... Болит немного.

– Ну, вот... Это вам отдыхать-то надо, по большому счету!

А вы все о нас с Олегом печетесь!

– Да, пекусь... Пока время есть. Пока в силах, пока жива.

Ладно, ладно, не говори ничего. Не бойся, не помру я. Нелзя мне. Все, пошла, спокойной ночи тебе.

– И вам...

Екатерина Васильевна ушла. А неловкость от разговора словно бы осталась. Та самая неловкость, из которой вырастают стыд и презрение к самой себе, как грибы-поганки после дождя. А за ними – еще и виноватые слезы. Конечно, корила себя Соня, свалила на бедную женщину свое трудное материнство и рада... А у нее сердце болит! Она устала – целыми днями одна с Николенькой! И чем тогда она, Соня, лучше Олега? Да ничем, по сути... Только и заслуг, что возвращается сюда каждый вечер.

Но что, что же делать-то, если все так сложилось? Разорвать этот замкнутый круг, взять Николеньку, уехать куда-нибудь? Пусть мама с сыном живут счастливо? Но куда, куда уехать? К тетке? Ну, это уж точно не выход. Можно подумать, тетка с новым мужем только и ждут, когда они с Николенькой к ним в крохотную однокомнатную квартирнку заявятся. И потом, на что они будут жить? Чтобы на что-то жить, работать надо. И няньке платить... Нет уж, пусть будет все, как есть. Без помощи Екатерины Васильевны ей и

впрямь пропадать. Спасибо, что на работу отпустила. Все-таки – хоть какая-то жизнь...

И хватит, хватит под одеялом рыдать! Душно, жарко, задохнуться можно. Глаза завтра будут опухшие. А завтра – в процесс... Хороша же будет адвокатесса – с припухшими красными глазками, как запойная пьянчужка! «Все, хватит... – приказала себе Соня. – Спать, спать...»

* * *

Чуть защекодало под ложечкой, когда судья добралась наконец до сакраментального:

– ...На основании изложенного, руководствуясь статьями...

Нет, чего она так волнуется? Ясно же, что решение будет в пользу истицы! А все равно – не по себе как-то... Наверное, это со временем пройдет, и уверенность в себе появится.

– ...Взыскать с Иванова Сергея Владимировича неустойку за несвоевременную уплату алиментов в пользу Ивановой Людмилы Борисовны на содержание несовершеннолетней Ивановой Ларисы Сергеевны в сумме четырехсот сорока двух тысяч восьмисот десяти рублей пятидесяти копеек...

Уф-ф... Все. Можно расслабиться. И по лицу истицы видно – довольна. Вообще могла бы и сама справиться. Наверное, ей присутствие адвоката «для понтов» нужно было, чтобы ответчика приструнить, довольно нехилого дядечку явно

торгашеского вида. Сидит, бедный, трясет жирными щечками. Ясно же, что денег безумно жалко.

Когда вышли в коридор, истица с благодарностью сжала Сонин локоть:

– Спасибо вам, Софья Андреевна... Прямо как по маслу все прошло, надо же! И все благодаря вам!

– Ну, не преувеличивайте моих скромных заслуг, Людмила Борисовна. Вы бы и сами прекрасно справились.

– Скажите, а я вам еще что-то должна?

– Нет. Вы все оплатили согласно договору. Решение получите через десять дней. До свидания, всего вам доброго...

– Пойдите! Пойдите, не уходите... А может, мы с вами посидим где-нибудь? Отметим, так сказать, мою маленькую победу?

– Ну, судя по сумме неустойки, не такую и маленькую...

– Ой, да что вы! Знаете, сколько у этого козла денег? Это для него и не сумма вовсе! Так что, отметим?

– Нет, спасибо. Я занята.

– Что ж, жаль... А может, все-таки?..

– Нет, спасибо.

– Ну, Софья Андреевна, прошу вас. Я же просто так не отстану. Здесь недалеко такое шикарное кафе есть! Да и время как раз обеденное...

«Вот привязалась! – с досадой подумала Соня. – Что ей, отметить не с кем? И хамить не хочется, репутацию себе портить».

Хорошая репутация для адвоката – важная составляющая его хлеба насущного. Это уж драгоценный Самуил Яковлевич давно Соне втолковал. Вежливость, вежливость и еще раз вежливость! Не панибратское общение, но теплая вежливость! Умей кожей чувствовать грань, умей распрощаться с клиентом так, чтобы в трудную минуту он снова про тебя вспомнил!

Спасением заверещал телефон в нагрудном кармане пиджака. Ага, Ленка звонит, любимая подруга. Но прилипчивой истице совсем не обязательно знать, что это подруга. Можно сделать страшно деловое лицо, нахмурить бровки и быстренько пойти вперед по коридору, бросая в трубку короткие сухие фразы:

– Да, буду! Через полчаса! Непременно! Я успею, ждите!

– Соньк... Ты чего там, рехнулась, что ли? – прорвался в ухо удивленный Ленкин хохоток. – Это ты с кем сейчас разговариваешь?

– Да с тобой, с тобой... Ты вовремя позвонила, дала мне повод вежливо удрать.

– А, понятно. Ну что ж, с тебя тогда причитается. Может, пообедаем где-нибудь? Ты как, на ближайший часок свободна?

– Да с удовольствием! Ты где сейчас?

– По Воздвиженке еду, со стороны парка.

– Ну, тогда удачно пересечемся! Я тоже недалеко, в Октябрьском суде. Может, в той кафешке посидим, что на углу

Первомайской, помнишь? Там у них рыба всегда обалденная.

– Ага, давай... Я через десять минут туда подрулю.

– Бегу, Ленка, бегу!

Встретились, обнялись, прижались щечками, вытянув губы. Всегда смешно со стороны смотрится эта имитация женского поцелуя. Главное – помадой дружескую щеку не обмазать. Сели за столик. Выражение Ленкиного лица моментально трансформировалось из приветливого в несчастно-капризное.

– У меня сегодня день сурка, Сонь... С утра не задался! Вроде и число – не тридцать первое...

– Хм... А день сурка бывает исключительно тридцать первого числа?

– Конечно! А ты разве не замечала? Я вообще считаю, что тридцать первое – это лишний день в месяце, как несуразный атавизм.

– Не знаю. Мне в последнее время все дни одинаковыми кажутся.

Соня вздохнула и уставилась в меню. Потом подняла глаза, улыбнулась подруге и произнесла виновато:

– Лен, только мы долго сидеть не будем, ладно? По-едем-пообщаемся в ускоренном темпе.

– А чего так?

– Да я хотела пораньше домой прийти. У Екатерины Васильевны который день сердце прихватывает, надо бы ей от-

дых дать.

– Вот не пойму, Сонька, хоть убей меня... Как ты это все терпишь?

– В смысле? Чего я терплю? – Соня откинулась на спинку стула, напряженно глядя Ленке в глаза.

– Да свекровку свою терпишь! Она тебя с мужем практически развела, а ты скачешь перед ней, как егоза! Да окажись я в твоей ситуации...

Хорошо, что подошла официантка. Вовремя. Потому что вовсе не хотелось слушать, как повела бы себя Ленка в ее ситуации. Видно, и она тоже почуяла, что сказала лишнего, протянула через стол руку, поскребла ноготками по ее ладони:

– Прости, Соньк... Что-то меня опять не туда понесло. Это все день сурка...

– Да ладно. Проехали. Что заказывать будем? Вроде рыбки хотели?

– Есть семга под зеленым соусом, – беспристрастно-вежливо отчеканила официантка, – есть лосось по-староанглийски.

– Сонь, у тебя настроение чему больше соответствует? – хмыкнув, насмешливо глянула на Соню Ленка. – Зеленому соусу или местным понтам по-староанглийски? Это ж надо придумать – по-староанглийски! Лосося-то в Темзе поймали, что ли?

– Лен, не заводись. Неудобно.

– А чего я? Ничуть я не завожусь! Просто выбор делаю... Так чего ты будешь?

– Мне все равно.

– Тогда давайте нам семгу! – подняла Ленка глаза к беспристрастно-вежливой официантке. – Мы девушки простые, на берегах Темзы не бывали, мы к вам просто покушать зашли. Ну, и еще два салатика овощных. И бутылку белого вина, пожалуйста.

– Ленк, ты ж за рулем... Чего разошлась-то? Какое вино?

– А, да ладно, все на день сурка спишем! Чему быть, того не миновать! Какое у вас вино, девушка?

– Рислинг, мускат, итальянское «Орвието»... Посмотрите в меню, там винная карта есть.

– Ладно, давайте «Орвието». Только прямо сейчас.

Официантка, кивнув, ушла. Ленка подтянула к себе пустой бокал, медленно провела пальцем по краю. Очень сексуально получилось. У нее вообще движения всегда легкие, немного кошачьи. Просто смотреть – и то приятно...

Она и в детстве такой была – прелестницей-нимфеткой. Единственное дитя у родителей, избалованное и любимое. И ей, как несчастной Ленкиной подружке-сиротке, крохи той любви доставались. Жалели ее Самойловы, Ленкины родители, от души. Помнится, дневала и ночевала у них в доме... Тетка ворчала, конечно, но так, для виду, чтобы хоть как-то обозначить свое опекуновство. Потому и ворчала в основном при свидетелях, чтобы кто-нибудь оценил ее праведный опе-

кунский гнев. Например, когда соседка в гости заходила, баба Маруся, тетка начинала канючить и всплескивать полными руками – не понимаю, мол, чего Сонька у этих Самойловых ошивается? Я тут с ног для нее сбиваюсь, а она... Бессовестная, позорит меня перед людьми! Вот и расти чужое дитя, надрывайся, а оно чужого добра ищет! Медом ей там намазано, что ли? Баба Маруся вздыхала, сомкнув лепесточками губы, взглядывала осуждающе на нее, на «бессовестную». А только не чувствовала Соня никаких угрызений совести, вернее, не поддавалась этим навязанным угрызениям. Старалась изо всех сил не поддаваться. Наоборот, сидела, думала про себя – какая ж ты все-таки глупая, тетя Люб... Медом намазано, главное! Нет там, у Самойловых, никакого меда. У них и без меда хорошо. Легко, весело, уютно. Да просто – тепло. И никто словами это тепло не обозначает, потому что оно просто – есть...

Вот же! Совсем соплячка была, а чужую родительскую любовь по-взрослому оценивала. И немного завидовала Ленке, что у той этого добра с избытком. Потому и не гнушалась ухватить пригоршню избытка, чтоб не пропадал зазря. Собирала объедки с чужого стола и радовалась... Да, радовалась! По крайней мере, они были вкуснее, чем вечные теткин упреки: «Я из-за тебя бабью жизнь профукала, замуж не вышла...»

А что, в этих упреках утонуть можно было запросто. Но не могла Соня себе этого позволить, не могла! Очень уж хо-

телось – жить... Жить по-настоящему. Пусть не сейчас – потом...

Вот и вымечтала себе это – потом. Дала себе клятву – будет у нее это «потом», будет. А чтобы было, надо стараться изо всех сил. В школе – чтоб непременно лучше всех. Морду всмятку, но чтоб в отличниках. И себя надо в форме блюсти, ни грамма лишнего жира, каждую свободную минуту – спорту до изнеможения. Гантели под кроватью держала, вставала чуть свет и – раз-два, раз-два... Тетка, просыпаясь, глядела с раздражением, почесывала рыхлый бабий живот, морщила губы в усмешке:

– Силу, что ли, девать некуда? Ну, коль некуда, так иди вон, подъезды намывай. Все хоть копейку в дом принесешь. Думаешь, легко мне тебя одной тянуть? Сегодня же пойду, договорюсь в ЖЭКе...

И действительно – договаривалась. Умела слезу пустить, чтобы приняли малолетнюю сироту «копейку себе подработать». Да и это не страшно было! Подумаешь – подъезды! Тут главное – время рассчитать правильно, организовать его так, чтобы на выполнение школьных домашних заданий хватило. А если не хватит – можно и от ночи прихватить. Но чтобы с невыученным уроком в школу прийти – это уж ни-ни... Этого Соня себе позволить никак не могла. Потому как слабинку дашь – и улетишь с мечты в проклятую жалость к себе, как в омут.

А на лето тетка ее судомойкой устраивала к себе в рабо-

чую столовку, где сама была поваром. На целый день, с утра и до вечера. Соне до сих пор вспоминается то время как страшный сон. Тарелки, тарелки в горячем пару, запах кислой капусты, подгоревших котлет. Резиновые толстые перчатки, марлевый колпак, длинный огрузлый фартук. Ноги к вечеру гудели, пальцы взбухали внутри перчаток разваренными сосисками. А в голове все равно будто кто невидимый приказ отдает: стоять, Соня, стоять! Выстоишь – все у тебя будет! Жизнь прекрасная будет! Профессия – чтоб по душе и в удовольствие, но непременно чтобы достойная. Та профессия, которая приносит достаток. Да уж и выбрана в мечтах эта профессия... А семья, Соня, какая у тебя будет семья! И замужество будет – непременно счастливое! И чтоб никакого расчета, избави бог, ничего меркантильного! Только любовь. И в доме покой и легкое счастье, о котором и не думаешь, и за счастье не оцениваешь, как у Самойловых. И дети. Двое детей. Сначала мальчик, а потом девочка. Да можно даже и третьего ребенка – это уж как пойдет. Как профессиональные дела позволяют...

И улыбалась, и вздыхала счастливо, глотая горячий воючий пар. Позволяла себе в мыслях приблизиться к счастью. Нет, все-таки дарованная природой способность к целеполаганию – великая вещь. Поднимает над жизнью, над столовкой, над продавленной кушеткой в теткиной однокомнатной клетушке. Да и то – в детдоме-то еще бы неизвестно, как оно было. Там бы по целеполаганию-то природному прошлись

плеткой-педагогикой, разрезали бы его на кусочки. Нет уж, лучше самой.

А тетке спасибо, конечно, думала тогда Соня. Может, даже и расщедрится, из заработанных за лето денег выделит ей толику, чтобы на зиму новый китайский пуховик купить. Старый-то совсем протерся, изо всех мест перья торчат. А если и не расщедрится – тоже переживем. Тетя Оля Самойлова свою старую куртку отдаст, Ленка говорила, она ей маловата уже.

Соне вспомнилось, как они вместе объявили Ленкиным родителям, что задумали в юридический поступать. В настоящий юридический, серьезный, базовый, который и в подметки не годился тем факультетикам, что повыврастали, как грибы после дождя, в коммерческо-вузовских новообразованиях. Диплом получить без труда можно, а толку – никакого. Плюнуть да растереть. Так Ленкиным родителям и сказали – настоящими юристами стать хотим! Крутыми адвокатами! Мы ж не виноваты, что в нашем областном городе такого института нет! Те ахнули – как же, ехать в такую даль. Но отпустили, что ж делать, если у девчонок серьезные амбиции проклюнулись. Тетя Оля Самойлова даже всплакнула немножко. А потом, успокоившись, слово с Сони взяла, чтобы Ленку от себя – ни на шаг. И если, мол, какая туча над Ленкиной драгоценной головой появится – сигнализируй...

В институт они поступили – готовились же как-никак! Зря, что ли, отказывали себе лишний раз на дискотеку схо-

дить? Сидели, зубрили школьную гуманитарщину. Все-таки мечта – дело святое. Ради мечты можно и дискотечными плясками пренебречь. Правда, Ленку время от времени тянуло-таки в ренегатство удариться, но Соня ее быстро на путь мечты возвращала. Характером-то посильнее была. Помнится, Ленкин отец частенько над ними посмеивался, говорил – нельзя давить, Сонь, на блондинку авторитетом. Мечтой можно, авторитетом – нельзя.

Наверное, он прав был. Потому что сам по себе факт поступления оказался для Ленки порогом мечты. Вот же она, сбылась, поступили! Чего дальше-то париться, себя истязать?

В общем, Ленка даже до третьего курса не дотянула, сошла с дистанции. Пока другие к заветному диплому пробились, успела и замуж выскочить, и развестись, оттяпав у незадачливого мужа однушку в спальном районе да старенькую иномарку. И пребывала последние три года в подвешенном состоянии – ни диплома за душой, ни мужа. Так, перебивалась разными работенками. То в секретарях задницей повертит, то продавцом в элитном косметическом бутике покрасуется. Из последнего совсем недавно уволилась...

– Лен, как у тебя с работой, кстати? Нашла что-нибудь?

– Не-а...

Ленка обиженно скривилась, будто она спросила о чем-то совсем неприличном. Вздохнула, подперла щеку кулачком.

– Представляешь, даже думать о работе не хочется. На-

верное, я не создана для работы, Сонь.

– А для чего ты создана? Для удовольствий?

– А что, вполне может быть... Не зря же мой организм так гневно настроен на ранний подъем. Как будильник зазвонит в семь часов, меня прямо колбасит всю! Ни рукой, ни ногой двинуть не могу! Что делать, не знаю...

– Что делать, что делать... Придется ночную работу искать. При твоей блондинистой внешности долго искать не придется.

– Ой, шуточки у тебя, Сонька... Фельдъегерские...

– Ну, тогда надо богато замуж выходить. С полным и безоговорочным содержанием. Хотя – с возрастом ты для богатого уже опоздала... Они больше соплюшек предпочитают. Но есть и другой вариант – искать себе мужичка, к богатству потенциально предрасположенного, то бишь с перспективами. А богатым его сама сделаешь.

– Хм... Спасибо за совет, подруга.

– Да пожалуйста. Всегда рады.

– А что... Может, и выйду... Спасибо, что идею подкинула.

– Ага, давай. Осталось самое малое – подходящую кандидатуру найти. Они ж, кандидатуры, на каждом углу бесхозными штабелями сложены.

– Да ладно, шибко-то не резвись с остроумием. Проблема гораздо серьезнее, чем тебе кажется. Никогда не знаешь, Сонь, где остроумие, а где проблема...

– Слушай, а этот... Как его, забыла... Ну, воздыхатель твой по прежней работе!

– Юрик, что ли?

– Ну да, Юрик... Он ведь холостой?

– Да при чем здесь – холостой... Дело же не в этом! Да, он хороший парень... Честный, порядочный. И с перспективами, как ты говоришь. А главное – очень добрый. Знаешь, бывают такие мужики – патологически добрые от природы. И потому ужасно занудные. А это так напрягает, знаешь...

– Напрягает? Почему напрягает?

– Ну, как бы тебе объяснить... Мне кажется, я рядом с ним будто раздваиваюсь. С одной стороны – занудство раздражает, а с другой – перед его добротой стыдно. Гармонии нет, понимаешь? Не умеют раздражение со стыдом рядом жить.

– Ишь ты... Какая сложная интерпретация семейной жизни.

– Да, сложная. Тебе этого не понять. Не всем же так свезло, как тебе. Ты-то по любви замуж вышла.

– М-м... Да уж... Мне, конечно, страшно свезло...

– Да, а как вы сейчас, кстати? Так и живете по разным квартирам?

– Так и живем.

– А...

Ленка усмехнулась, как показалось Соне, саркастически. Ей вдруг подумалось – зря она с ней в кафе потащилась... И разговор этот полушутливый затеяла зря. Не в духе сего-

дня Ленка, по всему видно. Надо бы вырулить как-то на другую тему, нейтральную. Тем более официантка заказ принесла, запах от еды пошел обалденный. Вот на тему еды и надо стрелки перевести!

Не успела. Едва только официантка отошла от стола, Ленка выпалила сердито:

– Ты сделала большую ошибку, Сонь, давно хотела тебе сказать! Зря пошла на поводу у свекрови! Чего она там тебе в уши пела, а? Пусть Олеженька поживет отдельно, пусть привыкнет?

– Ну... Вроде того.

– И что? Он привык? И к чему он привык? Не знаю... К одиночеству, может, и привык, а от ребенка отвык. Все наоборот получилось. Разве не так?

– Лен... Я не хочу говорить на эту тему. Не надо, а? Мне тяжело...

– Нет уж, ты послушай... Я тебе не чужая, сюсюкать не буду. Я как есть скажу. Во-первых, отдай себе наконец отчет, что твой Олеженька – всего лишь мужик. Такой, как все. С обыкновенной мужицкой природой. Не идеализируй его, пожалуйста.

– А я что, идеализирую?

– Конечно! Сидишь и ждешь, когда он отцовской сердечностью вспыхнет! Смешно же! Да у мужиков на такие духовные дела резерва нет, понимаешь? Природой не заложено! Им, сволочам, пресловутый бытовой комфорт дороже

всякой духовности! Ну, в юности, может, еще туда-сюда... А с возрастом романтика истощается, жизнь переходит в плоскость упорядоченной системы, то есть – работа, зарплата в клювике, домашний устроенный быт, футбол по телевизору, постель... И твой Олежек, поверь, не исключение. Да и ты тоже... Ты ведь только притворяешься духовной страдальцей, Сонька, разве не так? Хорошенькой хочешь выглядеть, правильной? Боишься сделать решительный шаг? А хочется?

– Какой... шаг, Ленка? О чем ты?

– Да все о том же! Давно бы уж к нему переехала, и все дела... Только все тянешь, не хочешь сама себе правду сказать.

– Господи, Ленка, что ты несешь?..

– Ага. Скажи еще – как же я своего Николеньку на свежую кровь оставлю?.. Не лицемерь, Сонька. Не надо. Не верю я в твое материнское самопожертвование. Ты такая, как все. Ты обыкновенная баба, которой хочется обыкновенного счастья. Мужа под боком, здорового ребенка, устроенный быт...

Соня вдруг испугалась. Она смотрела на Ленку пришибленной мышкой, подняв бровки вверх и удивленно моргая глазами, и думала: господи, что это с ней? Голос разраженный, глаза злые... Чего ее вдруг на такие откровения прорвало? Да и... зачем? Или в день сурка положено ковырять чужие раны? Странно – вроде подруга, близкий человек... Сочувствовать должна...

Испугаешься тут. И растеряешься поневоле.

Дрожащей рукой Соня подтянула к себе бокал с вином, глотнула, закашлялась. Отдышавшись, проблеяла испуганно:

– А ты?.. Как бы ты на моем месте?..

– Ну, я! Насчет себя я никогда не обольщалась. Я еще хуже, чем ты. А может, наоборот, лучше. Потому что честнее. Я бы такого ребенка ни за что из роддома не забрала. Вернее, обязательно во время беременности анализ бы сделала! А ты на поводу у Олега и его мамы пошла! Тебя подло обманули, а ты теперь...

– Ленка, замолчи! Куда тебя несет?! Неужели не понимаешь, как мне больно?

– Ой, да ладно... Смотрите-ка, больно ей. А ты не задумывалась, что за большое счастье надо и платить по более высокому счету?

– А что ты понимаешь под большим счастьем? Что это, с чем его едят?

– С чем едят, говоришь? Ну да, его и не понимаешь, когда оно есть... Да ты хоть в курсе, что в институте на твоего Олега все девки толпами западали? Знаешь, сколько их было, желающих на твоем месте оказаться? Вон, помню, Танька Завьялова даже побить тебя хотела. А он с тобой одной носился, как дурень с писаной торбой! Вот и получилось, что платишь за чужие страдания! О которых даже не подозревала, потому что слепая от счастья была!

– Что – и ты тоже?

– Что – я? – вдруг осеклась Ленка.

– Ну... западала?

– Да иди ты знаешь куда!.. При чем тут?.. – Ленка раздраженно махнула рукой, жадно припала к бокалу.

«Ого... – подумала Соня, – смутилась, что ли? Неужели я в точку попала? Здравствуйте, ваше величество Откровение? Вот это да!.. Крышей бы не поехать от таких новостей...»

– При чем тут я, Сонька? Мы-то с тобой подруги, как бы ни было... И я говорю тебе сейчас то, что думаю, не с целью обидеть. Только правду. Он тебя скоро бросит, Сонька... Все к тому идет. А иначе и быть не может в вашей подлой ситуации. Ты должна быть к этому готова, понимаешь? Если ты сама ничего не делаешь, то он... Ему же ничего больше не остается... Ты сама, сама пропускаешь момент, Сонька! Из-за своего лицемерия пропускаешь! А может, уже пропустила...

Откинувшись на спинку стула, Соня разглядывала Ленку, словно та предстала вдруг в новом ракурсе. А что – и впрямь в новом. Была милая подруга-блондинка, и вдруг сидит напротив разъяренная фурия. От ее же проблем и разъяренная.

Испуг вдруг ушел, удивление тоже ушло. Более того – напало вдруг странное равнодушие, согретое вином и едой. Да Соня и вкуса еды не почувствовала, так разволновалась поначалу. «А жаль... – подумала она. – Рыба под зеленым со-

усом наверняка изумительная была. Да, надо же что-то ответить... Вон как подруга напряглась ожиданием».

– Да, Ленка. Относительно ситуации ты, пожалуй, права. Она действительно несколько подловатая. Только она ведь больше со стороны Олега подловатая. Не находишь?

– Нет. Как раз и не нахожу. Олег не подлый. Он совершенно, просто до неприличия нормальный мужик, твой Олег. Такой, какой надо мужик. И по-своему честный. Поверь, у него своя правда, и никто не вправе его судить, даже ты. Знаешь, как моя бабушка говорила, когда мою мать, свою невестку, жить учила? Хочешь жить с мужиком – живи его правдой. Иначе с кривдой в бабьем одиночестве обниматься придется. И если ты, Сонька, этого не поймешь, он таки тебя бросит! Обязательно бросит. И не говори потом, что я тебя не предупреждала, поняла?

Что-то было в Ленкиных последних словах особенно злобное... Будто они взвились спиралью вверх, покружились над столом и осыпались пеплом на Сонину голову. Кажется, и сама она испугалась – взглянула на нее настороженно, исподлобья. Соня даже и не знала, что ответить...

А отвечать и не пришлось. Ленка вдруг резво подскочила со стула, схватила сумку, быстро пошла меж столиков к выходу. Белые локоны колыхались по спине, подпрыгивали пружинками в такт решительной поступи. Соня обескураженно смотрела ей вслед... Потом долго еще смотрела в проем зала – может, вернется? Одумается? И вообще – что это

сейчас было?

Голос официантки, нежно прозвучавший над ухом, вернул в реальность происходящего:

– Простите... Вы за двоих будете по счету платить?

– Да... Да, конечно.

Соня раскрыла папочку с вложенным листочком счета – ого... Дорого нынче стоят дружеские откровения-посиделки. Хоть бы денег в кошельке хватило...

* * *

Гудки. Длинные, тревожные. Обычно Екатерина Васильевна сразу отвечает...

Соня в очередной раз нажала на кнопку отбоя, содрогнулась от холодка тревоги. Еще и автобуса долго нет! А скоро час пик...

Звонок! Ну, наконец-то! Нет, номер какой-то незнакомый...

– Это я, Сонь. Вот, телефон новый купил. Ну что, увидимся сегодня, надеюсь?

– Погоди, Олег... Почему-то Екатерина Васильевна трубку не берет. Звоню, звоню...

– Может, гулять ушла и телефон дома забыла? Они ж в это время обычно гуляют.

– Нет... Она всегда телефон с собой берет. А ты где?

– На работе, конечно. В шесть освобожусь. А ты?

– Я на автобусной остановке...

– Так поймай такси! Или частника! Если уж так волнуешься!

– Да у меня денег нет... Мы с Ленкой обедали, и... Ну, в общем... О, автобус, наконец-то! Ладно, я тебе потом перезвоню!

Как он медленно тащится, этот автобус... Можно с ума от тревоги сойти. А в трубке – по-прежнему гудки. Ну же, давай, поворачивайся быстрее, неуклюжий транспорт! Еще две остановки...

До дома Соня бежала бегом. Лифта ждать не стала, взлетела птицей на пятый этаж. С трудом попала ключом в замочную скважину...

Из комнаты – плач Николеньки. Усталый, надрывный, тонким писком мяукающий. Соня сглотнула леденящий страх: что-то случилось. И шагнула в комнату...

Николенька неловко лежал в кроватке, высунув одну ножку сквозь прутья. Застрял. Пальчики на крохотных ступнях застыли в судороге. А Екатерина Васильевна – на диване. Лежит. И тоже в неловкой позе, будто силясь повернуться лицом к внуку. И рука совершает странные движения, плавающие. А лицо... Боже, что у нее с лицом?! Тоже будто перекошено судорогой... И глаза туманные, бессмысленные. Вот с трудом сфокусировала на ней взгляд, но губы не слушаются, силится сказать что-то. Голос утробный, странно булькающий, словно споткнувшийся на растянутой букве «о»:

– О-ня... О-зь-ми... И-ко-еньку...

– Что?! Что, Екатерина Васильевна? Что случилось?

Паника в голове, в ногах, во всем теле. И сама уже поняла, что случилось. Пробила внутри молнией безжалостная догадка – инсульт... Соня заметалась, как курица, меж кроватью и диваном. Выудила наконец плачущего Николеньку, и он бессильно уронил слабую головку ей на плечо. Дрожащей рукой провела по влажной напряженной спинке:

– Тихо, тихо, малыш, успокойся... Видишь, бабушке плохо... Сейчас «Скорую помощь» вызовем... Вот, видишь, мама уже телефончик достала... Тихо, тихо, не плачь, ну, пожалуйста!

Самой как бы не заплакать. Но плакать нельзя, гудки идут... Вот он, бесстрастный, спокойный голос в трубке. Почти автоматический. Услышала – и захлебнулась-таки слезами! Слова не выговорить!

– Давайте без истерики, женщина. Говорите внятно, что у вас случилось.

– Да... Да, я сейчас... Погодите... Просто у меня ребенок на руках плачет... Пожалуйста, срочно бригаду, у моей све-крови инсульт!

– Откуда вы взяли, что это инсульт? Вы врач?

– Нет, но... Она говорить не может! И лицо такое... Будто его наполовину перекосило! Я пришла, а она... Лежит... Ой, приезжайте быстрее, пожалуйста!

– Адрес!

– Что?!

– Адрес продиктуйте, женщина! Внятно и четко! Да успокойте наконец ребенка! Я же не слышу ничего!

От страха у Сони вдруг вылетел из головы номер дома. Назвала улицу и запнулась. Без сил опустилась на пол возле дивана, с ужасом глядя в закатывающиеся глаза Екатерины Васильевны.

– Дом... Дом... Шестнадцать! Квартира пятьдесят три!

– Подъезд?

– Подъезд... второй. Ой, нет, третий...

– Домофон работает?

– Да...

– Лифт?

– Не знаю. Я пешком поднималась.

На другом конце провода вздохнули почти по-человечески, потом голос бесстрастно повторил адрес, приказал коротко:

– Ждите!

Николенька тоже вздохнул длинно, со всхлипом, обмяк в ее руках. Успокоился.

– Сейчас врачи приедут, Екатерина Васильевна... Потерпите немного. Вам больно, да?

Не слышит. Дыхание тяжелое, с хрипом. Ой, надо же Олегу позвонить...

– Да-а-а? погоди, Сонь, секунду... Я сейчас...

Голос в трубке вальяжный, отстраненный немного. И буд-

то вспыхнула картинка в мозгу, увидела его в этот момент – сидящего в удобном офисном кресле, нога на ногу, взгляд направлен на монитор компьютера. Оттолкнулся, чуть отъехал от стола... Плечом покрутил, расслабляя шейные мышцы.

– Олег! Олег!

– Ну что ты кричишь, здесь я... Добралась до дома, паникерша? Надеюсь, все в порядке?

– Нет... Маме плохо, Олег! Я «Скорую» вызвала! Приезжай скорее, прошу тебя!

– Что?! Что с ней?

– Не знаю. Похоже, инсульт...

– А что, что она говорит?! На что жалуется?

– Да ничего она не говорит! Ты не понял? Инсульт у нее!

Не может она говорить, совсем не может!

– Да, я еду... О господи, мама!.. Ты «Скорую» вызвала?

– Да говорю же, вызвала!

– Еду...

Соня подумала с ужасом – а вдруг «Скорая» долго будет ехать? Или вообще не приедет? А что, бывали же случаи... Недавно по телевизору сюжет был...

«Может, еще раз туда позвонить, напомнить о себе? Говорят, при инсульте нельзя терять ни минуты! Может, Екатерине Васильевне подушку под голову подложить? Или нельзя? Так она хрипит страшно... Господи, Господи, помоги мне, несчастной растерянной неумехе... Тихо, Николенька, тихо,

видишь, бабушка заболела...»

Как ни старалась Соня унять дрожь – не смогла. Когда из прихожей раздалось пиликанье домофона, бросилась к двери сломя голову, потом кое-как справилась с замком, рывком распахнула дверь. Загудел лифт – едут. Боже, как долго...

Молодой полный мужик – по всей видимости, врач, – быстро ступил в прихожую, спросил, не глядя на нее:

– Где можно руки помыть?

– А вот, в ванную...

Соня, стоя в дверях, дрожа, смотрела, как он сосредоточенно вытирает руки полотенцем, разглядывая его немного брезгливо. Несвежее, наверное, полотенце-то.

– Куда? Где больная?

– Сюда, пожалуйста... – потрусила Соня в комнату впереди врача.

Оглянувшись, увидела, как следом вошла в ванную молоденькая медсестра и деловито захлопнула за собой дверь.

Врач склонился над Екатериной Васильевной. Из-за его спины Соне ничего не было видно. Вскоре подросла медсестричка, тоже склонилась, плечом к плечу. Врач шепнул медсестре что-то коротко на ухо, и та закопошилась в чемоданчике. Ловкими пальцами выхватила какой-то прибор, протянула врачу. Взгляд сосредоточенный, смотрит ему в лицо почти с благоговением. Значит, хороший врач... Вот он снова пробурчал ей что-то, разогнул спину. Медсестра быстро кивнула, и ее рука снова нырнула в чемоданчик. Ага,

шприц, упаковка с ампулами... Значит, укол будут делать. Может, все еще обойдется?

Врач, уступив медсестре место возле Екатерины Васильевны, отошел на шаг, поморщился болезненно и схватился за поясницу. Потом глянул на Соню, не убирая болезненной маски с лица:

– Вы кто? Дочь?

– Нет. Я невестка.

– Мужчины в доме есть? Кто-нибудь может носилки нести?

– Нет... Но... Сейчас муж должен подъехать...

– Ладно. Понятно. – Он повернулся к медсестричке: – Кать, звони Володе, пусть с носилками поднимается. Опять придется мне нести. Черт, я так сегодня, пожалуй, окончательно спину сорву...

– Скажите... А что с ней? – Соня отступила от двери на полшажка. – Это инсульт, да?

– Инсульт. Вся левая сторона полностью. Еще и сердце слабое.

– Да, она в последние дни все время на сердце жаловалась. Корвалол пила...

– Ну, корвалол... Вот вам теперь и корвалол... – грустно пробурчал врач, глядя, как медсестра тихо отдает указания по телефону. – Надо было в поликлинику бежать, а вы – корвалол! В возрасте человек, в группе риска, понимать же должны!

– Я... Я не знала. То есть... Да, конечно... А можно...
Можно мне с вами поехать?

– Так вы ж с ребенком!

– Да я сейчас... Я соседке... Пока носилки несут, я договорюсь! Я быстро!

– Ну что ж, давайте...

Соня метнулась на лестничную площадку, вдавила палец в кнопку звонка – милейшая Маргарита Сергеевна, приятельница Екатерины Васильевны, не должна отказать...

– Господи, Сонечка!.. Что с тобой? На тебе лица нет... А где Катя?

– У Екатерины Васильевны инсульт, ее на «Скорой» увозят! Мне разрешили с ней в больницу поехать... Может, вы посидите с Николенькой?

– У Кати инсульт?! О боже, боже мой!.. Но мы же с ней виделись утром... Боже, как это страшно, Сонечка! Как непредсказуемо... А мы ведь с ней одноклассники! Какой ужас, какой ужас...

– Так посидите, Маргарита Сергеевна? – почти выкрикнула Соня, выходя из себя от ее неповоротливости.

– Ой, Сонечка, не знаю, право... Совсем ты меня обескуражила! Не знаю, как я... Мне и в руки-то его взять страшно, если честно... Ну, то есть я не к тому, конечно... Просто у меня ж левая рука плетью висит! А где Олежек-то, Сонечка? Ты ему позвонила?

– Позвонила. Он едет. Он в дороге еще. Не успел...

– А... А он у меня Николеньку заберет, как доедет?

– Да-да! Я ему сейчас еще раз позвоню, предупрежу, что Николенька у вас! И десяти минут не пройдет, как он придет!

– Что ж, хорошо. Ладно тогда. Оставляй, справлюсь как-нибудь. Ох, как мне Катю жалко... Вот так живешь, живешь... А ведь мы с ней одноклассники...

Маргарита Сергеевна потянула руки к Николеньке – как ей показалось, преодолевая себя. Даже лицо слегка осунулось. А впрочем, Соне сейчас было не до переживаний относительно соседкиного испуга... Это просто на автомате отметилось, по привычке.

Вложив ей в руки Николеньку, Соня обернулась на шум открывшихся дверей лифта – оттуда уже выходил дюжий мужик с носилками. Водитель «Скорой», наверное.

– Сюда, что ль? – кивнул мужик в открытую дверь.

– Да, сюда...

Соня вошла следом за ним, остановилась в прихожей, лихорадочно соображая: надо же что-то взять с собой, самое необходимое на первое время. Может, ей разрешат в палате возле Екатерины Васильевны остаться?

Она сунула в пакет тапочки, пробежала в свою комнату, запихала туда же домашний трикотажный костюм. Так, что еще? Зубную щетку? Да, еще кошелек... И телефон...

Из квартиры вышла последней – наспех повернула ключ в дверях. Бросилась вниз – за носилками. И услышала там,

внизу, встревоженный голос Олега:

– Да, я сын... А в какую больницу? А можно?.. Кто просил? Нет, что вы, я с ней поеду... Я сын...

Соня вывалилась из подъезда на улицу – Олег успел подхватить вместо врача носилки. Пристроилась к его плечу, шепнула на ухо:

– Олег... А может, я поеду?

– Нет! – бросил он раздраженно, даже не поглядев на нее.

И так же раздраженно спросил: – Где ребенок?

– Он у Маргариты Сергеевны... Олег, давай я поеду...

– Нет! Иди к ребенку, Соня! Нашла с кем оставить – с соседкой!

– Но я...

– Иди домой, я сказал! Жди, я позвоню...

Уехали.

Маргарита Сергеевна вздохнула с облегчением, увидев Соню в дверях.

– Олежек-то, надо же, успел... Я в окно видела... Так от машины бегом к подъезду пронесся! Лицо аж белое от испуга... Что ж теперь будет-то, Сонечка, а?

– В каком смысле? – спросила Соня, забирая Николеньку.

– Да ты хоть представляешь себе, милая моя, что такое – инсульт? Это ж все несчастное хозяйство... И Николенька, и Катя... Оно ж теперь на твою разнесчастную головушку упадет! Как ты со всем справишься-то? Ведь не справишься, с ума сойдешь... – И тут же, будто испугавшись своих горьких

прогнозов, Маргарита Сергеевна махнула рукой, заговорила нарочито бодро: – Ничего, ничего, Сонечка... Авось устроится все как-нибудь. Говорят, что ни делается, все к лучшему. Может, эти трудности вашу семейную жизнь с Олежкой и наладят. Трудности – они всегда объединяют семью, знаешь... Сплачивают как-то...

– Спасибо, Маргарита Сергеевна.

– А у меня рука, Сонечка, все болит и болит... Вот ведь, не помощница я тебе в трудностях-то... Ты уж прости, но на меня не шибко в дальнейшем рассчитывай.

– Я поняла, Маргарита Сергеевна. Ладно, пойду я. Спасибо...

И уже вслед, закрывая за Сонею дверь, Маргарита Сергеевна бросила виновато:

– Ну, если только по хозяйству чего... Сготовить, в магазин сходить... А с ребеночком – нет уж, извини, дорогая. Рука у меня слабая.

Соня вошла в квартиру, прислушалась к звенящей тишине. Как страшно, как неприятно, даже в комнату заходить не хочется. И запах такой тяжелый – запах горя. Понятно, что на самом деле никакого запаха нет, это у нее нервное... Но все равно. «Надо бы окна открыть, – подумала она, – проветрить».

Завозился в руках, запищал-застонал Николенька. Говорят, дети остро воспринимают материнскую тревожность. А такие, как Николенька, особенно остро воспринимают.

– Ничего, малыш... Все хорошо. Скоро бабушку вылечат, папа наш с ней в больницу поехал. У нас очень хороший папа, Николенька. Сильный, добрый... Сейчас я тебе кашу сварю... Будешь кашу, Николенька?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.